

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ДРАМА БАЙКАЛА

1

С началом девяностых годов драма Байкала вступила в свою самую мрачную фазу. Распад страны, развал экономики на огромных пространствах России, резкое падение уровня жизни и социальная напряжённость, наконец, непримиримое противостояние политических сил в стране, окончившееся расстрелом здания Парламента, – всё это отодвинуло на задний план решение важнейших экологических проблем. Борьба за выживание заслонила и общественное движение в защиту “священного моря”. “Мы, – говорил в одном из недавних своих интервью Валентин Распутин, – выходили митинговать для того, чтобы предоставили работу, выдали жалование, которое не платили месяцами и годами, вернули украденные у нас вклады. Боролись за себя, а не за Россию. Прежние поколения действительно стояли за Родину. А мы – за хлеб. Но дело-то ведь не в хлебе, как оказалось. Война показала: дело не в хлебе! Дело в душе, в отношении к стране, к России. В войну отношение к России было удивительное. Её спасали и спасли. А мы отдали её в ельцинские времена на разграбление”.

Можно добавить: оставили мы без всенародной защиты и Байкал. На первый взгляд, казалось удивительным: крупнейшие предприятия с отлаженным производством и многотысячными коллективами рушатся, а “грязные” производства остаются на плаву. В Иркутске и области закрылись мощный машиностроительный завод имени Куйбышева, радиозавод, предприятия по ремонту тракторов, выпуску электрических приборов, почти все предприятия, занимавшиеся производством товаров народного потребления, но продолжали действовать БЦБК и другие целлюлозные комбинаты, нефтехимический гигант в Ангарске, алюминиевые заводы. В Бурятии в первые же годы ельцинских “реформ” приказали долго жить первенцы местной индустрии: приборостроительный завод, предприятия “Электромашина” и “Теплоприбор”, резко снизили мощности цементное и шиферное производство, а Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, выпускавший тару для торговли и продолжавший немилосердно отравлять воздух и реку при её впадении в Байкал, благополучно выстоял. Впрочем, удивлять это могло лишь на первый, то есть

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич родился в рыбацкой деревне Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский университет. Автор более двадцати поэтических и прозаических книг. Заслуженный работник культуры России, народный поэт Бурятии. Постоянный автор журнала “Наш современник”.

поверхностный взгляд. Дельцы, за бесценок приватизировавшие с помощью продажных чиновников общенародную собственность, быстро сообразили, что товары народного потребления – это не та продукция, которая может дать большой навар. Баснословные прибыли приносили добыча и продажа за рубежом нефти, газа, золота, алмазов, выпуск алюминия, химической продукции. Целлюлоза в этом списке стояла, может быть, на последнем месте, но, используя до предела оборудование советского времени, не вкладывая средств в модернизацию, можно было и на целлюлозе и продукции из неё хорошо нагреть руки.

В эпоху частной собственности на всё и вся природоохранное законодательство прежних лет уже не годилось, а новое разрабатывалось медленно и с огрехами. И это с учётом небывалой коррумпированности контролирующих ведомств рождало вопиющую безнаказанность нуворишей.

Высшая власть при Ельцине, по сути, отбросила принятые до неё государственные решения по охране Байкала. Напомним, что закон о нём был принят Государственной Думой только в 1999 году. Дальше тянуть было некуда: решением ЮНЕСКО Байкал тремя годами ранее был включён в список объектов Всемирного культурного и природного наследия.

В последние два десятилетия при всех всплесках гласности, которая давала о себе знать на немногочисленных митингах и пикетах защитников озера, хозяева обоих целлюлозных комбинатов не чувствовали никакой ответственности за отравление Байкала.

Работа Селенгинского ЦКК вообще редко оказывалась в поле общественного внимания. В конце восьмидесятых здесь установили систему замкнутого водооборота. Со временем она поизносилась, и некачественно очищенные стоки, да и непредвиденные сливы, аварийные протечки отстойников не замечались государственными контролёрами. Новые владельцы комбината везде, где только возможно, – в средствах информации, на депутатских слушаниях, общественных обсуждениях – внушали публике, что их предприятие достигло чуть ли не мировых стандартов в очистке промышленных стоков. Этот пиар и ныне помогает московским хозяевам комбината на Селенге вести производство по-старому, получая прибыли и оставляя местным жителям загрязнённую среду обитания.

Летом 2011 года активисты общественной организации “Байкальское движение”, побывав на комбинате, в очередной раз подтвердили, что экологические требования здесь не выполняются. Любопытно, как прокомментировал их мнение в газете “Информ Полис” старший помощник прокурора Восточно-Байкальской природоохранной прокуратуры: “На 23 вида опасных отходов производства предприятие не имеет необходимых паспортов”; “вода, которая подаётся предприятием населению своего посёлка, не проходила санитарно-эпидемиологической проверки”; “документы на отстойник ТЭЦ, который особенно загрязняет подземные воды, по словам руководителей комбината, утеряны”; “через суд мы понуждаем предприятие соорудить новый отстойник, но там считают, что это потребует больших затрат”; “в судебном иске, поданном прокуратурой, более двадцати требований, но пока они не выполнены”.

Прочитав такое, только и воскликнешь: в какие дикие времена окунулась Россия! И как издевательство нуворишей над её гражданами в той же газете, на той же странице сообщается, что по итогам Всероссийского конкурса на звание “Лучшее российское предприятие” (вероятно, проводила его федеральная власть) Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат стал победителем в номинации “Экологическая ответственность”.

На Байкальском комбинате положение с очисткой стоков выглядело ещё хуже. В отличие от Селенгинского ЦКК, здесь выпускали целлюлозу белёную, а её производство сопряжено с применением хлора и других особо опасных для Байкала ядовитых веществ. Между тем, на предприятии не существовало системы замкнутого водопользования, и всё первое десятилетие *дикого капитализма* в России оно безнаказанно отравляло озеро. С приходом В. Путина на пост Президента РФ власть инициировала строительство на комбинате “водооборотки” – проекта дорогостоящего и, в общем-то, не сулящего особого эффекта для предприятия такого типа. Под гарантию правильности экологического проекта согласились кредитовать зарубежные инвесторы. Но система так и не была достроена на их средства: убедившись, что хозяева комбината меньше всего заботятся об участии всемирного природно-

го наследия и не выполняют условий кредитования, инвесторы отказались финансировать проект.

Какие люди определяли тогда судьбу Байкала в Иркутске, видно из поздних откровений одного из них — бывшего чиновника В. Яковенко. При губернаторе Ю. Ножикове, правившем областью в 1992–1997 годах, он был первым заместителем главы администрации и отвечал, как он выразился в беседе с корреспондентом местной газеты, за “стратегию экономического развития региона”. Десять лет спустя после отставки шефа и своей В. Яковенко заявил журналисту: “Считаю, что Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат зря закрыли (в дни, когда было опубликовано интервью, предприятие временно не работало. — **А. Р.**). В своё время я был категорически против этого. Такой же позиции придерживался и Ножиков. В Минэкономике я выступал против закрытия”. “А как же Байкал?” — спросил корреспондент. “Под комбинатом, — ответил бывший чиновник, — за годы его работы образовалась линза с отходами производства. Ну, ликвидируем мы БЦБК, а линза останется. Но зато мы потеряем стратегическое предприятие (интервьюер явно наводил тень на плетень: “стратегическое предприятие” давно уже вывозит 98 процентов своей целлюлозы в Китай, так как на родине покупателей у него нет. — **А. Р.**). А очистные сооружения комбината вполне справлялись. Я сам пил воду на очистных и живой, как видишь, остался”.

В Байкальске насилие над “чудо-морем” приняло в последние годы совершенно зверские, колониальные формы. Система замкнутого водооборота, кое-как достроенная, не очищала стоков даже до уровня пресловутых предельно допустимых концентраций (ПДК) при производстве белёной, выгодной хозяину, целлюлозы. Нужно было обойти запреты. Для управляющей компании ООО “ЛПК “Континенталь менеджмент”, в состав которой входил БЦБК, лучшим средством оказался шантаж природоохранных ведомств. И высшей власти, конечно.

В октябре 2008 года хозяева остановили производство, отправив во временные, не оплачиваемые отпуска более тысячи трехсот рабочих (60 процентов всего состава). Руководство заявило, что причина этого — ввод замкнутого водооборота, который не даёт возможности использовать активный хлор при производстве белёной целлюлозы. Расчёт владельца был прозрачен: “Если вы (то есть природоохранные ведомства) требуете соблюдать экологические нормы, а их не удаётся достичь даже при системе замкнутого водопользования, то вот вам головная боль: решайте проблему безработицы в моногородке. Рабочие сами заставят вас пустить комбинат и — на наших условиях”.

В самом деле, для Байкальска, имеющего единственное градообразующее предприятие, остановка производства на ЦБК стала трагедией. В разные инстанции полетели гневные письма, в суды — обращения возмущённых людей, митинги из самого городка перекинулись в областной центр. Власти, помогая “бедному” олигарху, вынуждены были искать средства для выплаты компенсаций людям, оставшимся без зарплат и, конечно, — выход из технологического тупика, в котором оказался комбинат.

Летом 2009 года (комбинат в это время всё ещё простаивал) на Байкале побывал В. Путин. В глубоководном научно-исследовательском аппарате “Мир-1” он спустился на дно озера как раз в акватории ЦБК. К удивлению учёных — знатоков проблемы, он сказал после погружения, что “Байкал в хорошем состоянии, никакой угрозы для него нет”. Видимо, после заявлений экологов-общественников и мрачных выводов учёных премьер ожидал увидеть “чудо-море” похожим на сточную яму. Но он не учёл, какого объёма “резервуар” перед ним и какую самоочищающуюся способность имеет озеро. Даже при том, что мы уже полвека варварски загрязняем его, превратить его в помойку пока, слава Богу, не удалось.

Позже на сайте правительства России Путин продолжил разговор в прежнем духе: “Когда мы были на Байкале летом, я разговаривал с учёными, с членами Академии наук, спрашивал, как отразилась деятельность ЦБК на Байкале, на его экологии. Там нет изменений к худшему для Байкала. Это не значит, что там нет проблем. Только нужно посмотреть на них повнимательнее и по-серьёзному, без всякой политизации”.

Не в первый раз чиновники разных рангов убеждают публику, что мнение противников целлюлозных комбинатов на Байкале — это *политизированный* взгляд на проблемы озера. На том же сайте его создатели пытаются обелить

БЦБК. По их информации получается, что БЦБК вносит в общую копилку загрязнений самую незначительную часть, ну, совсем-совсем каплю по сравнению со стоками других предприятий. Посмотрите: “Байкальский комбинат в 2008 году слил в озеро только 27,4 тысячи тонн вредных веществ, а Гусиноозёрский промышленный узел в Бурятии – 442 тысячи тонн, водоканал города Гусиноозёрска – 348 тысяч, водоканал Иркутска – 106 тысяч, предприятия Улан-Удэ и его система бытовых стоков – 34 тысячи тонн. То же самое происходит с воздушными выбросами. Целлюлозно-бумажный комбинат “растворил” в атмосфере лишь 4,3 тонны вредных веществ, в то время как Ангарск – 221 тысячу тонн, Северобайкальск на бурятском участке БАМа – 28,5 тысячи, ТЭЦ города Улан-Удэ – 21,3 тысячи тонн”.

Сомневаемся, что приведённые сведения достоверны. Но даже если это и так, то пугающие цифры рассчитаны на людей, не знакомых с байкальской проблемой, к тому же не имеющих представления о географии. Очистные сооружения предприятий и коммунального хозяйства Гусиноозёрска, конечно, допотопны, но вред они приносят скорее Гусиному озеру, на берегу которого расположен городок, а вовсе не Байкалу, до которого двести километров и который не связан водными артериями с этим далёким водоёмом. То же самое водоканал Иркутска. Его очистные не назовёшь идеальными, но загрязняет он Ангара, а она пока ещё не течёт вспять, в Байкал. Конечно, и в Северобайкальске, лежащем на берегу “священного моря”, и в Улан-Удэ, расположенном на Селенге, в ста тридцати километрах от её впадения в Байкал, очистка воздушных выбросов совершенно негодна, но всё же сравнивать воздух над целлюлозно-бумажным комбинатом и городами ближнего и дальнего подлесья нормальный человек не возьмётся: у стен БЦБК разит таким зловонием, какого не сыщешь нигде в прибайкальском регионе.

Но на высшую власть лукавая информация, с одной стороны, и социальная напряжённость в Байкальске – с другой, произвели впечатление. В январе 2010 года правительство издало постановление “О внесении изменений в перечень видов деятельности, запрещённых в центральной экологической зоне Байкальской природной территории”. В этом документе производство целлюлозы исключалось из “запрещённых производств”, причём комбинату разрешалось выпускать продукцию, сбрасывая промышленные стоки прямо в Байкал. Кроме того, разрешалось складирование отходов всех классов опасности на берегу “священного моря”.

У сибирских учёных, занимающихся проблемами Байкала, постановление вызвало шок. Ещё в конце предыдущего года председатель научного совета СО РАН академик М. Кузьмин, многие годы смело и бескомпромиссно защищающий “чудо-море” от посягательств любых чиновников, узнав о готовящемся документе, написал В. Путину письмо о недопустимости осуществления зловещего плана. Директор Лимнологического института СО РАН на Байкале академик М. Грачёв так выразил своё мнение на этот счёт в печати: “В августе (2009 года. – **А. Р.**) В. Путин проводил совещание, на котором присутствовали академики, губернаторы, руководители ведомств. Было принято решение запустить производство небелёной (то есть менее опасной. – **А. Р.**) целлюлозы в замкнутом цикле. Именно в замкнутом! Что могло измениться с августа? Когда объявляли Байкал Участком мирового природного наследия, Россия обещала мировому сообществу репрофилирование комбината. Теперь что, репрофилирование “разобещано”? Даже не указано время, на которое разрешается сброс стоков в Байкал”.

После нового постановления правительства, разрешившего БЦБК сброс в озеро неочищенных стоков, митинги протестов прокатились уже не только по прибайкальским регионам, но и по многим крупным городам страны, включая Москву и Санкт-Петербург. Настоящая буря пронеслась по экологическим сайтам интернета. Нашёлся даже смельчак, который обжаловал высокий документ в суде. Им, правда, оказался не сибиряк, а москвич, школьный учитель, руководитель столичного экологического объединения “Царицыно для всех” Андрей Маргулев. Нечего и говорить, что этот правовой инцидент был погашен.

Упомяну ещё одну историю, на этот раз иркутскую. Общественная организация “Байкальская экологическая волна”, назначившая на середину февраля 2011 года митинг протеста против решения, подписанного В. Путиным, вдруг удостоилась визита сотрудников УВД области. Представители милиции

заявили, что активисты организации... незаконно используют нелегализованное программное обеспечение. Без всякого ордера были изъяты оргтехника и документы. При этом стражей порядка не заинтересовали лицензионные соглашения экологов-общественников на программное обеспечение. Удивлённым активистам гости заявили, что "Байкальская экологическая волна" действует – ни много, ни мало – "против правительства России". Семерых сотрудников общественной организации задержали "для дачи показаний". Эта процедура продолжалась до девяти часов вечера... Поневоле вспомнишь знаменитое путинское: "мочить в сортире", – хотя "мочить" в данном случае пришлось людей, болеющих за судьбу Байкала.

2

Наиболее серьёзно и аргументированно выступили в печати против затей правительства, как и следовало ожидать, учёные – академики, члены-корреспонденты, доктора наук: председатель президиума Иркутского научного центра СО РАН И. Бычков, председатель научного совета СО РАН по проблемам озера Байкал М. Кузьмин, заместитель председателя президиума Восточно-Сибирского научного центра СО РАН В. Рукавишников, председатель президиума Бурятского научного центра СО РАН Б. Базаров, директор институтов, причастных к изучению байкальских проблем. Их открытое письмо В. Путину и приложенная к посланию аналитическая записка по проблемам ЦБК и города Байкальска имели решительное заглавие: "Спаси "колодец планеты"!"

Хочу привести самые важные строки из этих документов.

"Очевидно, что постановление... направлено на возобновление работы БЦБК с использованием технологий производства целлюлозы 40-летней давности, не соответствующих современным требованиям и предусматривающих, в том числе, дурно пахнущие выбросы вредных веществ в атмосферу, которые ощущаются на расстоянии до 70 километров... БЦБК с начала своего существования стал камнем преткновения между руководством страны и обществом. Именно БЦБК стимулировал развитие экологического движения в нашей стране и до сих пор угрожает экологической катастрофой не только для страны, но и для всего мира.

Возобновление производства целлюлозы Байкальским комбинатом в режиме сброса сточных вод нарушает международные обязательства России по охране уникальной всемирной ценности – Объекта всемирного природного наследия – озера Байкал, а также противоречит требованиям Федерального закона "Об охране озера Байкал" и не позволяет начать реализацию действительно экономически целесообразных и экологически допустимых проектов развития города Байкальска на основе использования природного потенциала озера...

Нам представляется, что средства, которые планируются в виде дотаций на возобновление производства целлюлозы на БЦБК, более рационально было бы направить на поддержку уволенных работников комбината и на перепрофилирование производства в г. Байкальске. В частности, превращение Байкальска в туристический центр сможет решить многие вопросы занятости населения города. Кроме того, в Байкальске можно развернуть производство лекарственных препаратов из сибирской лиственницы, изготовление кремниевых солнечных батарей и модулей, другие производства, запланированные к реализации на ближайшие годы в Иркутской области. Наконец, производство бутилированной байкальской воды, которая так необходима для Азиатского континента, не может быть высоко rentable, пока действует комбинат. До его перепрофилирования нельзя решить и вопросы создания привлекательных рекреационно-туристической и спортивно-оздоровительной баз в г. Байкальске.

Сброс сточных вод в Байкал необходим комбинату для производства белой (наиболее дорогой. – **А. Р.**) целлюлозы с применением хлорного отбеливания, то есть с производственным циклом, разработанным на БЦБК. В результате работы целлюлозно-бумажных предприятий с хлорным отбеливанием в качестве побочных продуктов образуются диоксины и хлорированные фураны. Их состав в сточных водах БЦБК имеет значительное сходство с составами диоксинов и хлорированных фуранов в почвах и донных отложениях, зооплактоне, отловленном вблизи комбината. Диоксины найдены так-

же в ряде живых организмов Байкала. При регулярном употреблении в пищу животных, в которых накапливаются диоксины, увеличивается канцерогенный риск для населения, что установлено на берегах водоёмов, на которых расположено производство белой целлюлозы с хлорным отбеливателем. В связи с этим научное сообщество категорически против запуска БЦБК со сбросом отработанных вод непосредственно в Байкал. За рубежом на аналогичных ЦБК предприятиях переходят на отбелку целлюлозы перекисью водорода и озоном. Однако для БЦБК переход на такую технологию затруднителен, так как комбинат работает с использованием технологии, разработанной в начале 60-х годов. Основное технологическое оборудование комбината, схема варки, промывки, отбелки регенерации извести, подготовки древесины за более чем 40 лет практически не изменились. Мощность БЦБК мала сравнительно с мощностью передовых российских и зарубежных предприятий. При современной мощности комбинат имеет низкую конкурентоспособность и на мировом, и на внутреннем рынке.

В водах, сбрасываемых комбинатом, отмечаются превышенные по сравнению с предельно допустимыми концентрации фенола, хлорид- и сульфатионов. Но самое главное, в окрестностях предприятия присутствуют в воздухе высокие концентрации дурно пахнущих соединений двухвалентной серы – сероводорода, метилмеркаптана, диметилсульфида и диметилдисульфиды. БЦБК выбрасывает в сутки одну тонну дурно пахнущих веществ. Концентрации меркаптана в населённой части г. Байкальска превышают предельно допустимые в 10 и более раз.

В соответствии с Государственным докладом «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2007 году» доля объёма выбросов в атмосферу комбинатом от общего объёма выбросов всеми источниками (включая предприятия, организации, ЖКХ и др.) в центральной экологической зоне Байкальской природной территории составляла 51 процент, аналогичный показатель по сбросам сточных вод – 86 процентов, по образованию отходов – 42 процента.

Всё это отрицательно действует на здоровье людей. Совместное влияние вредных веществ вызывает раздражающие действия на дыхательную систему, угнетает окислительно-восстановительные процессы, вызывает нарушение углеводного обмена, оказывает отрицательное влияние на состояние белковых молекул человека. Исследования показали неблагоприятное влияние этих веществ на репродуктивную функцию женщин. Установлено, что у женщин детородного возраста, испытывающих воздействие метилсернистых соединений, наблюдается повышенная частота осложнений во время беременности и родов: патологии плаценты, угроза прерывания беременности, возможность выкидыша (риск составляет 54–76 процентов).

Комбинат расположен в зоне высокой сейсмической активности с возможными землетрясениями силой до 9–11 баллов по двенадцатибалльной шкале Рихтера*. Таким образом, при землетрясениях большой силы в Байкал из разрушенных ёмкостей могут попасть реагенты и отходы. При рассмотрении рисков необходимо иметь в виду возможность утечки жидкого хлора из ёмкостей, разрушение ёмкостей – хранилищ белого и чёрного щёлока, нефтепродуктов, серной кислоты, а также прорыв ограждающих конструкций и поступление в Байкал накопленных отходов очистки сточных вод из шламонакопителей. Возможны и другие тяжёлые экологические последствия”.

Казалось бы, мнение большой группы авторитетнейших учёных должно было отрезвить авторов постановления. Ничего подобного! Весной того же года предприятие начали запускать вновь, преодолевая многочисленные технологические неурядицы и сбои.

Читатель должен знать, что всякий раз закрытие и возобновление работы ЦБК – предприятия частного – сопровождается огромными государственными вложениями средств. Миллиардер О. Дерипаска не понёс никаких издержек при метаморфозах, случавшихся с комбинатом. Остановить производство и выбросить на улицу более тысячи трёхсот рабочих – пожалуйста, только оплатите из бюджета людям их вынужденные многомесячные прогулы. Возобновить выпуск продукции и вернуть байкальцев на рабочие места – пожалуйста

---

* В конце декабря 1861 года прибрежная Цаганская степь опустилась при землетрясении на несколько метров, образовался залив Провал. А вдруг землетрясение такой силы произойдёт в районе Байкальска? (Прим. наше. – А. Р.)

ста, только дайте средства на реконсервацию цехов. И власть, как приказчик богатого хозяина, исполняет требования собственника. Но если бы речь шла только о взаимной любви высоких чиновников и олигарха! То, что разыгрывается ими, как карта, есть бесценное достояние нынешних и будущих поколений российских граждан!

Решение правительства принято, комбинат возобновил работу, но ведь есть и установленные государством нормы предельно допустимых концентраций вредных веществ в стоках предприятий. Их-то никто не отменял. Чиновники природоохранных ведомств оказались в двойственном положении: выбросы ЦБК в Байкал и в атмосферу не укладывались ни в какие нормы. И тут мы можем увидеть, как нынешние государственные “защитники природы” решают проблемы охраны наших природных богатств.

Заместитель министра промышленности и торговли России (кстати, член совета директоров БЦБК) А. Дементьев направил тогдашнему заместителю премьера И. Сечину письмо, в котором изложил неприятную для комбината ситуацию. Автор поясняет, что предприятие оказалось “за гранью правового поля” и ему нужно помочь преодолеть препятствия на пути к успешной работе. И что, вы думаете, предлагает чиновник? Просить премьера отменить постановление? Ошибаетесь. Он предлагает отменить действующий приказ Министерства природных ресурсов и экологии о “строгих” нормативах и установить новые, в которые комбинат вполне бы вписывался. В противном случае, напоминает чиновник своему начальнику, “несоблюдение нормативов приведёт к увеличению платежей за выбросы загрязнений, к непомерным (!) для предприятия штрафам – до 200 миллионов рублей в месяц”. Можете представить, какие яды спускает в Байкал комбинат, если по закону он должен платить ежемесячно сотни миллионов рублей штрафа! И какая трогательная забота государственных служащих о кошельке Дерипаски!

Оказалось, что А. Дементьев направил свои предложения не по собственной инициативе. Ещё раньше заместитель премьера, зная, что комбинат не сможет работать пригодно на устаревшем оборудовании, дал поручение министерству подготовить пресловутый “план действий по обеспечению устойчивой работы ОАО “Байкальский ЦБК” во втором полугодии 2010 года и в 2011 году при безусловном выполнении взятых экологических обязательств”. Последние слова “о взятых обязательствах” были, разумеется, дымовой завесой. В Доме правительства хорошо знают, что при выполнении комбинатом экологических правил он не может быть пущен в ход. К тому же в октябре 2008 года, когда предприятие пришлось остановить на целых полтора года, его московские покровители говорили о том, что комбинат придётся запустить единственно для того, чтобы израсходовать все химические вещества, приготовленные впрок, и провести мероприятия, предусмотренные при закрытии опасных производств. Вышло так, что это снова – пустые слова.

Отношение федеральных властей к проблемам Байкала, как мы видели, и непредсказуемо, и безответственно. После того, как правительство санкционировало сброс неочищенных стоков БЦБК в “священное море”, оно же поручило специалистам разработать целевую программу “Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории до 2020 года”. В этом документе оставлен в стороне вопрос о закрытии ЦБК. Как будто предприятию выдана охранная грамота, и оно останется неприкасаемым ещё десятилетие. Зато намечены меры, которые без закрытия комбината едва ли улучшат здоровье сибирского моря. Предполагается “сократить объём стоков в озеро” (естественно, без стоков БЦБК), “понизить уровень накопленных отходов” (что значит – понизить? Меньше накапливать? А когда будут утилизированы, обезврежены накопленные отходы на двух целлюлозных комбинатах?), “укрепить береговую линию озера”, “провести мониторинг состояния Байкала”, то есть постоянно следить за его самочувствием. А что толку следить, если государство не пресекает вопиющие экологические преступления?

Судьба комбинатов-отравителей не определена. Ещё один заместитель премьера, И. Шувалов, приехавший на Байкал осенью 2010 года, заявил, что проблему ЦБК “одним махом не решить, нужен пятилетний переходный период”, причём вовсе не для закрытия комбината, а лишь для его реперофилорования.

В июне 2011 года Комитет ЮНЕСКО на своей сессии сделал решительное заключение: “Действия российских властей угрожают мировому природному

наследию”. В очередной раз эта международная организация предложила закрыть целлюлозные комбинаты на Байкале. Но наши правители снова проигнорировали голос разума.

Как-то академик М. Кузьмин сказал о БЦБК: “Комбинат можно сравнить с лошадиным стойлом, построенным в церкви. Очевидного материального вреда церкви это не принесет (ох, Михаил Иванович, принесёт, да ещё какой: надолго загадит святое место, всех верующих оттолкнёт!). Только церковь всё равно перестанет быть храмом. Одно-единственное стойло превратит её в конюшню”.

Думаю, хватит рвать сердце. От власти, представляющей интересы олигархов, милосердия к Байкалу не дождёшься!

“Священное море”, по большому счёту, принадлежит вовсе не человеку, а природе. Она его мать. А мы, как и деревья, звери, птицы, лишь прилепимся к нему и пользуемся его щедротами. По своей греховности мы покушаемся на его святость. Природа, конечно, отомстит нам за это вырождением, мором от нехватки чистой питьевой воды. Но разве не можем мы цивилизованно разобраться с теми, кто губит Байкал?

А последнее слово – к землякам. Хватит надеяться на “дядей”, которые защитят Байкал: на чиновников из далёкой Москвы, на ту местную власть, которая соглашается с любым губительным предложением, на собственников, которые рьяно отстаивают свой личный шкурный интерес. Хватит! Выше нас защитников нет. Наша земля, наше родное гнездо – с нас и спрос.

* * *

... Снова перед глазами Байкал. С деревенского взгорья его сине-белое лоно похоже на небесное поле, чудесным образом опустившееся на землю, чтобы напомнить, что и на ней, грешной, может жить высокое, возвышенное. Сквозь прозрачный воздух горы на противоположном берегу выглядят тоже сказочными, воздушно-голубыми.

Но недолго, радуясь, трепещет душа. Уже стучится в неё забытая на минуту тревога: неужели я – из последнего поколения, которое видело Байкал живым и солнечным? Как отчитаюсь я там, в ином пределе, перед отцом и дедом? “Ты получил Байкал чистым, что ты сделал с ним?” – спросят они. Что отвечу им? Скажу, что возмутился, когда кто-то, отринувший стыд и совесть, осквернивший многое, не пощадил и эту святыню? Возмутился – только и всего?

Что ответим все мы, братья?